

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П.Н. БЕСПАЛЕНКО

*Правительство Белгородской
области
Управление по делам молодежи
Белгородской области*

e-mail: vita_2004@mail.ru

В статье рассматриваются конфессиональные особенности духовной безопасности России с учетом общемировых тенденций секуляризации. В настоящее время в России достаточно сильны попытки ряда клерикально мыслящих политиков навязать религиозную идеологию в качестве ведущей, основной. При всей кажущейся приемлемости идеи, особенно когда апеллируют к нравственности и духовности, такой путь ведет только к росту социальной напряженности, формированию религиозной нетерпимости и опасности ее проникновения в массовое сознание.

Ключевые слова: духовная безопасность, клерикализм, процесс секуляризации, квазирелигиозность, многоконфессиональность.

В конце XX – начале XXI века в нашей стране и во всем мире проблема диалога между светской и религиозной культурой, церковью является насущной, актуальной проблемой. И многими на сегодняшний день признается необходимость, потребность такого диалога с целью преодоления того социокультурного кризиса, в котором оказалась наша страна, да и многие страны мира, в результате секуляризации культуры и последующего извращения отношений между светской и религиозной культурой. Это связано, в первую очередь, с тем, что современная культура во многом утратила традиционный характер, стала секулярной, вне- и даже антирелигиозной. На протяжении XX века процесс секуляризации шел особенно интенсивно: влияние религии, наличие традиционных элементов в различных сферах современной культуры сведены к минимуму, либо уничтожены вовсе.

Так, эксперты американского исследовательского центра Pitzer College в 2006 году констатировали, что развитые европейские государства наименее религиозны, причем процесс секуляризации (т.е. автономизация искусства, науки, политики и т.д. от религии) продолжается и даже ускоряется. Однако сокращение числа верующих в развитых странах входит в противоречие с общемировой тенденцией. Мир в целом становится более религиозным (по принципу социокультурного маятника П. Сорокина). Большую часть населения планеты составляют жители развивающихся государств, где религиозность намного выше и продолжает расти. Например, по данным

Pew Research, в 2002 году доля глубоко верующих в Европе составляла около 20%, в Латинской Америке – 60-80%, а в Африке – около 100%. И население в религиозных странах быстро увеличивается, в отличие от атеистической Европы ⁴.

Причины «секуляризации» сегодня все еще остаются под вопросом. И вот почему: секуляризация мыслилась в классическом мышлении как «векторный» процесс. Это была просвещенческая схема линейной истории, идущей от варварства к культуре, от магии к рационализму, от рабства к эмансипации. Но сегодня оставаться на позициях этого «исторического оптимизма» означает закрывать глаза на реальность. Главная интенция Просвещения – полностью рационализировать личность – потерпела неудачу. И поэтому сегодня, как показывают современные исследования, видим три варианта взаимодействия светской и религиозной культур в конкретные исторические эпохи: они могут находиться в состоянии конкуренции, развиваться автономно и параллельно и вступать в органическое сотрудничество (синергию).

В нашей стране в начале нового столетия реальностью стал последний вариант взаимоотношения религиозной и светской культуры, государства и церкви, поэтому в идеологии российского государства все более весомым становится конфессиональный фактор. Интересно, в этой связи, проследить какие импульсы по формированию общенациональной идеологии (национальной идеи) исходят от религиозных деятелей современной России и от представителей власти, тяготеющих к распространению религиозного мировоззрения?

Во-первых, можно фиксировать настоятельное предложение внести в государственную идеологию, в светское мировоззрение само понятие Бога, с отменой всех и всяческих ограничений для традиционных религий, (что явно противоречит Конституции РФ, провозглашающей свободу совести).

Во-вторых, в качестве выхода из вакуума, образовавшегося после крушения коммунистической идеологии, предлагается «возрождение православной традиции», с ее «морально-этическими ценностями», ибо только она представляет собой единственно верный ориентир, который спасет Россию.

В-третьих, религиозная идея в России начала объединяться с национальной. В результате и в научных сообщениях и в выступлениях политиков, повторенных и размноженных СМИ, стал внедряться в общественное сознание тезис, что у каждого народа есть своя ориентация на те или иные верования и это надо признать. А поскольку 82% населения России – это славяне, то естественно российское православие должно иметь преимущество, что естественно должно найти отражение и в официальной государственной идеологии.

И, в-четвертых, получили распространение предложения, которые национальную идею пытаются облечь в форму поиска этнической идентичности в тесной связи с религиозным компонентом, т.е. поставить в центр рассуждений личность в ее этноконфессиональном облике.

Противовес этим предложениям некоторые исследователи видят в рационализации национального и религиозного самосознания путем формирования «надэтнической и наднациональной идентичности», что предполагает переход к другому уровню рассмотрения расово-этнических и культурных различий.

На наш взгляд, при всей кажущейся приемлемости подобных идей, особенно когда их создатели апеллируют к нравственности и духовности, такой путь ведет только к росту социальной напряженности, формированию религиозной нетерпимости и опасности ее проникновения в массовое сознание. Мифы, верования, предания могут способствовать возрождению национального самосознания, но их опасность состоит в том, что труднейшие проблемы консервируются, а не решаются. И не в последнюю очередь только потому, что за народом признаются высокие нравственные и религиозные принципы, но ему же отказывают в рациональности, планировании и прогнозировании своего будущего. Российское общество переживает период беспрецедентного в его истории социально-ценностного раскола, грозящего исчезновением элементарных форм социальной солидарности, но задача объединяющей

⁴ Цит. по: Постатеистическая эра // Коммерсантъ. 2006. № 176 (№ 3507) от 21.09.

идеологии и состоит в том, чтобы поддерживать и развивать традиции взаимответственности и толерантности, которые еще сохранились в обществе.

Институционализация духовной безопасности в политическом пространстве современного российского общества и возможна, прежде всего, как восстановление института государственной идеологии, содержание которой должно соответствовать требованиям времени и отражать геополитический статус России, ее специфику как полиэтничной и поликонфессиональной страны, духовно-культурную самобытность при учете значимости общечеловеческих ценностей и реализации индивидуальности как фактора успешного общественного развития. Характер и содержание государственной идеологии должны исключать сведение ее к конфессиональной модели («православная идеология»), которая бы неизбежно превратилась в стимул дезинтеграции общества по конфессиональному признаку; к этнокультурной модели («идеология, основанная на этнических отличиях»), которая стимулировала бы межэтнические противостояния; доминирование государственной идеологии не должно превращаться в идеологический монизм и монополию, оно должно базироваться не на давлении административного ресурса, а на свободном предпочтении населения ее в качестве национальной идеологии, для чего последняя должна обладать реальной привлекательностью своих ценностей и социального проекта.

Для решения проблем, связанных с угрозами духовной безопасности России, государство в порядке справедливости и самосохранения должно опираться на традиционно созидательные религии, т.е. на такие, которые внесли и вносят заметный и устойчивый созидательный вклад в историю, традиции и культуру, язык и самосознание народов и государства в целом. *Созидательная традиционность* – многофакторное явление, в котором продолжительность деятельности религиозного объединения во времени не является обуславливающей. Например, некоторые очевидно деструктивные демонические культы обнаруживают себя на территории России с древнейших эпох, имеют своих последователей и тайную духовную преемственность. Однако такие религиозные объединения не способны внести устойчивый вклад в историю, традицию, культуру, язык и самосознание российских народностей и государства. Более того, именно в среде таких культов зарождаются человеконенавистнические идеи, внешне призывающие к возрождению неоязычества как средства противостояния глобализации.

Утрата стержневой роли традиционной религии, изменение понимания сути духовности в современной культуре приводят к возникновению кризисных явлений в духовно-нравственной сфере. Внерелигиозный контекст не дает возможности четкого различения понятий добра и зла, правды, достоинства, долга, чести, совести; искажает и подменяет традиционные (для русской культуры, несомненно, православные) представления о человеке и смысле жизни.

В результате секуляризации культуры и постепенного превращения религии в одну из составляющих общекультурного процесса церковь перестает играть роль всеобщего и универсального гаранта духовной безопасности (пусть даже потенциального). Да и сама духовная безопасность отошла на второй план. Ее место заняли «весомые, грубые, зримые» проблемы материального благополучия и социальной защищенности. По словам А.Зиновьева, «система ценностей западнизма в современных условиях переросла в систему соблазнов. Это нечто новое сравнительно с тем, что было ранее. В обществе произошел баснословный прогресс в отношении жизненных благ, о котором раньше никто не думал. ...А идеология и пропаганда создают иллюзию, будто все эти сказочные блага общедоступны или, в принципе, могут быть доступны всем. Они играют в данном случае роль Сатаны-соблазнителя, только сулящего всеобщий земной рай»².

Современное общество крайне индивидуалистично. Это, с одной стороны, создает дополнительные угрозы социально-политическому существованию человека и государства (и – как следствие – распространяет понятия безопасности на эту сферу), а с другой – нередко практически лишает человека духовной безопасности, игнорируя само существование опасности в области духа.

² Зиновьев А. Запад: Феномен западнизма. - М.: Центрполиграф, 1994. - С. 307.

Всплеск интереса к религии в конце 80-х и начале 90-х годов во многом был обусловлен царившим прежде запретом на все с ней связанное. Длительный запрет сильно стимулирует последующий спрос. Срабатывает и эффект новизны: церковные службы, литургии, обряды, молитвы для большинства вновь, а все новое увлекательно, особенно для молодежи.

В этой связи необходимо отметить еще один факт: официальное игнорирование религиозной сферы жизни общества в период существования СССР привело к тому, что уровень «религиозного образования» большинства населения (даже среди тех, кто считает себя приверженцем определенной конфессии) был и остается чрезвычайно низким. Следствием этого является плохая информированность граждан о специфике различных конфессий в контексте российской действительности, что создает благоприятные условия для распространения экстремистских учений, опирающихся на этноконфессиональную основу.

Надо подчеркнуть, что основная угроза единству российского социума исходит не от религий как таковых, а от «моды на религию», возникшей во времена перестройки. Большинство россиян, особенно из числа молодежи, имеют весьма поверхностное представление о догматах конфессий, последователями которых себя считают, что создает почву для многочисленных злоупотреблений общественным доверием со стороны псевдорелигиозных лидеров и «этнических антрепренеров», которые пытаются играть на религиозных чувствах граждан. В силу достаточно низкого уровня гражданской консолидации российского общества рост квазирелигиозности населения может стать одной из угроз духовной безопасности.

Немаловажно и то, что процесс так называемого религиозного возрождения 1990-х годов, прежде всего, затронул наиболее многочисленные традиционные российские конфессии, причем во многих регионах страны их религиозная жизнь начала восстанавливаться практически с нулевой отметки. В этих условиях религиозное возрождение неизбежно принимало экстенсивный характер распространения религиозного мировоззрения «вширь». Значительная часть верующих (неофитов), позиционирующих себя в качестве православных, мусульман или буддистов, была воспитана в условиях безраздельного господства атеистического мировоззрения. Поэтому отношение россиян к религии сегодня не попадает под однозначное объяснение. Действительно, сейчас в России наблюдается странный парадокс: в обществе довольно велик интерес к религии, хотя тех, кто реально следует канонам православной церкви, гораздо меньше. Таким образом, религиозная самоидентификация россиян далеко не всегда связана с четким представлением о догматах религии.

В области морали россияне тоже не отличаются особой приверженностью традиционным христианским ценностям. Распространение аборт, разводов, проституции и терпимость к ним, степень распада института семьи никак не ниже, чем в Западной Европе, и очень значительно выше, чем в «бездуховных», прагматичных США. Миллионы беспризорных детей – самый зримый и бесспорно позорный показатель степени приверженности России традиционной христианской морали³.

Таким образом, представленные данные указывают, с одной стороны, на размытость границ между религиозным и безрелигиозным мировоззрением, а с другой – на достаточно существенный уровень мировоззренческой эклектики во всех группах населения, как верующих, так и неверующих. В то же время высокая религиозная активность и мировоззренческая целостность присущи лишь незначительной части верующих, причем православная группа по ряду позиций здесь существенно уступает.

Социологические опросы выявляют еще одну примечательную тенденцию. Определенная часть респондентов, позиционировавших себя в качестве неверующих, в той или иной мере участвует в религиозной жизни: почти десятая часть из них изредка посещает храм; четверть – отмечает религиозные праздники; около 7% – иногда молятся и исполняют некоторые религиозные обряды⁴. Из этого можно сделать вы-

³ Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. - М.: Неостром, 2005. С.18-19.

⁴ Подробнее см.: Мчедлов М., Гаврилов Ю., Кофанова Е., Шевченко А. Вероисповедные различия в социальных ориентациях // Религия и право, 2005, № 1-2.

вод, что институционализированные российские конфессии в определенной мере распространяют свое влияние даже на часть неверующих, вследствие чего мировоззренческая граница между верующими и неверующими, в отличие от советского периода, в настоящее время не является незыблемой, становится размытой (вполне в духе постмодерна).

На фоне «возрождающейся православной традиции», которая продолжает наращивать численность своих членов, в России появляются различные религиозные движения. Среди них есть как те, которые существовали прежде в дореволюционной России (духоборы, молокане, толстовцы и др.), так и новые религиозные движения, появившиеся в последние десятилетия (Церковь последнего завета, Великое белое братство Юсмалос, Богородичный центр и др.). Но, тем не менее, православие остается доминирующей конфессией в российском обществе.

Более того, социологические исследования (в том числе и наши собственные) указывают на корреляцию между ростом положительного отношения к православию и негативного – к другим религиям. То есть в силу естественных (и не только) причин создаются условия для выстраивания новой конфессиональной иерархии, в которой РПЦ занимает лидирующее место, традиционные конфессии вновь обретают статус «терпимых» религий, а остальные религиозные направления остаются в «теневом поле», получая крайне негативную оценку общественного мнения. Таким образом, конфессиональная политика РФ демонстрирует тенденцию возвращению к состоянию до 1917 года, когда существовала «первенствующая религия», а наряду с ней – «терпимые» и «гонимые». О движении общества и государства в данном направлении свидетельствует и публичная дискуссия вокруг законопроекта «О традиционных религиозных организациях в РФ», призванного закрепить «особый статус» ряда конфессий.

На наш взгляд, эта тенденция очень опасна, так как способствует распаду еще не до конца оформленной системы российского общества: в результате ее развития человек в первую очередь начнет оцениваться общественным мнением не как гражданин единой страны, а как член религиозной общины или представитель своей национальной группы. Проявления этого можно заметить уже сейчас. Московская патриархия претендует на особый статус и по сравнению с другими «традиционными религиями». В РПЦ преобладает идея особой роли православия как «традиционной» для России конфессии и одновременно «Церкви большинства», которая должна пользоваться государственной поддержкой.

В июне 2001 г. был предложен проект «Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации», который поддержало большинство религиозных лидеров России. В проекте, в частности, предлагалось считать конфессии традиционными, если они:

- оказали значительное влияние на становление и развитие российской государственности, сыграли существенную историческую роль в развитии национального самосознания народов Российской Федерации;
- способствовали формированию и развитию традиционной духовности и культуры народов России и составили часть духовного и культурного наследия Российской Федерации;
- являются религиозными объединениями, принадлежность или предпочтительное отношение к которым выражает значительная часть граждан Российской Федерации;
- выступают в качестве созидательной и объединяющей духовной силы российского общества, направленной на поддержание мира и стабильности в Российской Федерации.

В России таким качеством обладает ряд религиозных организаций, среди них отметим в первую очередь Русскую Православную Церковь. И это не только потому, что речь идет о самом крупном религиозном объединении России (православными, согласно социологическим исследованиям себя считают 55% населения), но и из-за исторически значительной роли РПЦ в отечественной духовной, культурной и общественной жизни. В исторической памяти русского народа запечатлена патриотическая деятельность церкви в самые кризисные и переломные периоды (формирование российского государства, освобождение от монгольского ига,

первая и вторая Отечественные войны), направленная на социальную консолидацию и политическую мобилизацию. Весьма значима и ее роль в современной России в деле обеспечения цивилизационной идентичности, прежде всего утверждением самобытной системы духовных ценностей, в которой нет места западным индивидуалистическим идеям приоритетности личного преуспеяния, накопительства, культа потребительства и материального успеха, но в которой приоритетны идеи справедливости, любви к ближнему, готовности помочь слабому, верховенства нравственных норм.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство, характеризующее межрелигиозные отношения в современной России. Традиционные религии, связанные с этносами, особенно мировые религии, – это устоявшиеся организации, имеющие территориальные и этнические границы своего распространения, обычно у них в этих рамках нет необходимости в прозелитической деятельности (в отличие от некоторых вновь формирующихся религиозных образований), они без затруднений находят общий язык, устанавливают взаимодействие и сотрудничество в деле решения актуальных социально-нравственных проблем, в отстаивании общечеловеческих, гуманистических ценностей, способствуя тем самым и социальной стабильности, и межэтническому согласию. Разумеется, речь здесь идет об основных характеристиках этих религиозных объединений, хотя и от их имени действуют прикрывающиеся религиозными идеями деструктивные течения (вроде православного фундаментализма, исламского сепаратизма и т.д.), в той или иной форме используемые экстремистскими политическими силами в стране и за рубежом.

Также, мы встречаемся со значительными сложностями при определении традиционных религий. Так, если считать основным критерием время, давность существования данной религии на определенной территории, то для России, например, самой древней системой верований являются дохристианские языческие верования. Даже старообрядчество в этом смысле более традиционно, нежели новообрядческое православие. Лютеранская вера в России насчитывает около 450 лет. Что же тогда говорить о баптистах, пятидесятниках, адвентистах и прочих, которые существуют в России «всего лишь» 100–150 лет? Если взять за основу выделения традиционности религии количество ее последователей, то сразу возникает вопрос о том, каков искомый минимум числа верующих. Кстати, у малочисленных, но автохтонных народов России (Севера, Сибири и Дальнего Востока) свои издревле существующие верования, определяющие во многом их образ жизни. В любом случае мы должны учитывать фактор полиэтничности России и, исходя из этого фактора, строить наши межрелигиозные отношения.

Вопрос о том, как следует строить отношения государства с РПЦ, обсуждается в последние годы достаточно активно. Зачастую проблемой отношения государства и Церкви подменяется проблема отношений государства с религиозными организациями вообще. Часть российского чиновничества активно поддерживает Русскую Православную Церковь как «духовную и нравственную опору общества» и считает, что она должна пользоваться определенными преимуществами перед религиозными организациями, представляющими другие конфессии. Этот подход в какой-то степени отражен в преамбуле к Федеральному закону «О свободе совести» (1997 г.), где говорится об особой роли православия в России. Но многие видят в официальной поддержке православия опасность клерикализации и нарушение конституционных принципов отделения Церкви от государства и равноправия религиозных организаций.

Здесь мы наталкиваемся на проблему государственно-конфессиональных отношений. В самом общем виде можно выделить три модели государственно-конфессиональных отношений: «восточную», «американскую» и «западно-европейскую»⁵. Первая предполагает наличие господствующей религии, вторая – равное удаление всех религиозных объединений от государства, а третья – кооперацию между государством и наиболее влиятельными религиозными организациями.

Современная Россия, несмотря на декларируемую приверженность «американской модели», на практике пытается реализовать «западно-европейскую», хотя иногда

⁵ Симонов И.В. Религиозные традиции России и проблема модели государственно-религиозных отношений на современном этапе. (1997 г.) // <http://isimonov.narod.ru/tekst-s/model.htm>

тяготее и к «восточной». У этой парадоксальной ситуации есть исторические причины. Около тысячи лет православие играло в истории российского государства особую роль и имело особый юридический статус. Конфессиональная политика России может быть условно разделена на два этапа: «до» и «после» 1773 г. Это деление связано с принципиальным изменением отношения государства ко второй по численности конфессии страны – исламу. В 1773 г. указом императрицы Екатерины II ему был придан статус «терпимой религии», следствием чего стало учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания в 1788 году. Это государственное решение завершило этап насильственной христианизации значительных групп населения страны.

Конечно, по нашему мнению, было бы преувеличением утверждать, что сегодняшняя Россия уже стала конфессиональным государством, а РПЦ снова превратилась в простой придаток власти. И, тем не менее, факт остается фактом: мы являемся свидетелями реальных попыток воссоздания в нашей стране некоего подобия византийской «симфонии» Православной церкви и Российского государства путем ползучей клерикализации гражданской и военной власти, с одной стороны, и огосударствления церковных институций – с другой. Поскольку достигнуть подобного результата нормальным юридическим путем, без изменения действующего законодательства государства и официальной позиции РПЦ, выраженной в ее Уставе и решениях последних Архиерейских Соборов, невозможно, речь может идти лишь о возврате к прежним реалиям де-факто, при сохранении *видимости отделения* Церкви от государства и равенства религиозных объединений перед законом. Именно в этом направлении действуют сейчас «группы давления», сложившиеся в высших сферах политической и церковной элиты после распада СССР и краха прежней официальной идеологии.

Положение церкви в современном российском государстве не имеет аналогов в тысячелетней истории Русской Православной Церкви. Новые исторические реалии нуждаются в правовом осмыслении и разработке новых механизмов гармоничного взаимодействия религиозных организаций с различными государственными структурами; несмотря на значительно возросший религиозный фактор в обществе, Россия является секуляризованной страной и навязывание конфессиональной догматики и ориентации гражданам страны недопустимо; для нормального развития федеративного общества, каким является Россия, необходимо учитывать различные мировоззренческие ориентации граждан; при регистрации религиозных организаций, особенно зарубежных, очень важно критически оценивать их реальную деятельность, культовую практику, догматические установки. Разработка в Российской Федерации концепции государственно-конфессиональных отношений необходима для упорядочения и координации сотрудничества всех министерств и ведомств, имеющих отношение к религиозным организациям.

Следует заметить, что процесс сближения РПЦ и государственной власти не только притягивает, но и одновременно отталкивает от себя многих россиян. Политизация церковной власти неизбежно повлечет за собой ущемление религиозной свободы граждан. Акт веры теряет свою интимность, становится публичным, а, следовательно, уподобляется светским институтам. Именно этот факт побуждает многих мыслящих людей современной России усомниться в правильности пути, выбранного Русской Православной Церковью и заставляет их искать истину в других религиях. Перебирая все то, что может предложить традиция, люди обращаются к «нетрадиционному», полагая, что только так может реализоваться их индивидуальность. В качестве нетрадиционных религий могут выступать как религии, пришедшие на территорию России в последние два-три столетия, так и новые религиозные движения, обретшие ныне большую популярность на российской почве.

Ситуация осложнена парадоксальным самосознанием современной России. Строго говоря, глобализация пришла в нашу страну в конце 80-х годов по существу в безрелигиозное атеизированное общество и формально принесла вместе с демократией, политическими свободами и правами человека возрождение религии. Однако общественное сознание значительной части населения страны, духовенство ведущей конфессии – Русской Православной Церкви и политическая элита, по мнению С. Фи-

латова, попросту игнорируют реальность. Россия осознает себя «традиционной», «православной» страной, очевидной, таковой не являясь⁶. В то же время опасна и другая крайность – политическая маргинализация традиционных религий.

Политическая элита страны хорошо понимает, что религиозно-церковные институты – это традиционные формы организации общественной жизни, выполняющие важные социокультурные функции, служащие упорядочению практической и духовной жизни индивидов и масс, вырабатывающие определенные стандарты и ролевые стереотипы социального поведения, которые отвечают не только внешним нормативным требованиям, но и глубинным экзистенциальным потребностям личности.

При посредстве религии разнообразные проявления общественной и индивидуальной духовной жизни облачаются в необходимые институциональные формы. Ведущим звеном в институциональной структуре религии является церковь, как объединение верующих, связанных между собой религиозными отношениями, исповедующих одно вероучение, церковная община опирается на достаточно жесткую нормативно-ценностную платформу, основание которой составляют предписания абсолютного, догматического характера. Религиозно-церковные институты играют важную роль в жизни государства, в функционировании его политических и правовых институтов. В истории государство чаще всего прибегало к их помощи, возлагало на них надежды и действительно получало серьезную поддержку в деле установления и сохранения стабильного социального порядка, социализации подрастающих поколений, обслуживании сферы высших духовно-экзистенциальных потребностей подданных (граждан).

Социальная роль религиозно-конфессиональных институтов многократно усложняется в условиях многонациональной государственности. Этническая пестрота, социокультурное разнообразие, плюрализм плохо совмещающихся между собой региональных обычаев и традиций ставят перед религиозными, политическими и правовыми институтами сложные задачи по созданию таких социальных условий, которые позволяли бы гасить конфликтогенные ситуации на стадии их зарождения или же сублимировать агрессивно-деструктивную энергию субъектов, принадлежащих к разным конфессиям, трансформировать ее во взаимно приемлемые социальные формы. Для этого необходима продуманная, взвешенная, всесторонне проработанная стратегия межконфессиональной толерантности.

На современном этапе особенно важным представляется широкое участие Русской Православной Церкви и других традиционных религиозных организаций России в решении общественных проблем, таких как противодействие пьянству, наркомании и другим социально опасным порокам, сохранение общественной нравственности, воспитание подрастающего поколения, поддержка семьи, материнства и детства, попечение о лицах, содержащихся в исправительных заведениях.

В этой связи заслуживает внимания практика заключения договоров о сотрудничестве между рядом субъектов Российской Федерации и региональными подразделениями традиционных религиозных организаций России в сфере образования, духовно-нравственного, патриотического и правового образования и воспитания населения, а также в сферах культуры, социального и медицинского обеспечения.

Важной и своевременной можно считать деятельность Межрелигиозного совета России, целью которого является координация совместной деятельности традиционных религиозных организаций по укреплению и развитию их диалога, обеспечению межрелигиозного мира, достижению согласия и стабильности в обществе, предотвращению конфликтов на этнорелигиозной почве.

Усиление мер по противодействию религиозному экстремизму является одной из первоочередных задач в сфере государственно-церковных отношений. Духовная безопасность государства базируется на последовательном противостоянии любому проявлению религиозного или политического экстремизма. Сохранение и упрочение межрелигиозного мира и согласия в обществе не может быть достигнуто только путем ужесточения карающих механизмов и введения повсеместного контроля. Одним из наиболее продуктивных путей противодействия экстремизму является взаимодействие государства с традиционными религиозными организа-

⁶ Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. - М.: Неостром, 2005. С.18-19.

циями в различных сферах, прежде всего в области образования и воспитания. Обеспечение духовной безопасности страны должно включать защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни. Программа мер по противодействию религиозному экстремизму должна включать, наряду с мероприятиями законодательного и правоприменительного характера, шаги в области образования, научных исследований, просветительских мероприятий, деятельности средств массовой информации.

CONFESSIONAL FACTOR OF THE SPIRITUAL SECURITY IN POLITICS OF MODERN RUSSIA

P.N. BESPALENKO

*Belgorod Region Government
Youth Affairs Department of
Belgorod Region*

e-mail: vita_2004@mail.ru

The author discusses confessional features of spiritual security of Russia in the expand of global secularization processes. In modern Russia many clerically oriented politicians take rather strong attempts to put forward a religious ideology as the national one. Despite all seeming properness of the idea, it actually leads only to the rise of social tension, construction of religious non-tolerance and danger of its integration into mass consciousness.

Key words: spiritual security, clericalism, secularization process, quasi-religiosity, polyconfessionalism.